

Научно-исследовательский журнал «Современный ученый / Modern Scientist»
<https://su-journal.ru>

2025, № 7 / 2025, Iss. 7 <https://su-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

Стилистические приемы и тактики языковой личности в политическом дискурсе (на примере речей В.М. Молотова)

^{1, 2} Бородина М.А., ² Сальников О.В.

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,

² Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы

Аннотация: в статье говорится о важности сферы политической коммуникации в общественном сознании. Языковая дискурсивная личность политика играет важнейшую роль в определении общественных настроений и гражданской позиции народов, что справедливо как по отношению к современным политикам, так и к политическим деятелям советского прошлого, таким как В. Молотов, А. Громыко, А. Соболев.

Изучение языковой дискурсивной личности в политическом дискурсе позволяет глубже понять динамику и особенности политического общения в различных исторических и культурных контекстах, что может быть полезным для специалистов, стремящихся оценить влияние языковых стратегий на политические процессы и общественное сознание. Таким образом, исследование языковой личности, как в случае с Вячеславом Молотовым, помогает раскрыть сложные взаимосвязи между языковой личностью и политическим дискурсом, а также способствует более глубокому пониманию механизмов политической коммуникации и ее воздействия на общество.

Дискурсивная личность советских политиков и дипломатов связана с влиянием экстралингвистических факторов, с идеологемами советской эпохи, а также с функциональным диапазоном идеологических установок. В текстах выступлений советских дипломатов обязательным являлось противопоставление противоборствующих политических систем. Именно поэтому в речах В.М. Молотова, А.А. Громыко и А.А. Соболева актуализируется модель «Противопоставление, параллелизм», являющаяся самой значительной в количественном отношении.

Ключевые слова: языковая личность, дискурсивная личность, дискурс, политический дискурс, лингвистика

Для цитирования: Бородина М.А., Сальников О.В. Стилистические приемы и тактики языковой личности в политическом дискурсе (на примере речей В.М. Молотова) // Современный ученый. 2025. № 7. С. 66 – 74.

Поступила в редакцию: 7 марта 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 мая 2025 г.; Принята к публикации: 6 июля 2025 г.

Stylistic techniques and tactics of linguistic personality in political discourse (using the example of V.M. Molotov's speeches)

^{1, 2} Borodina M.A., ² Salnikov O.V.

¹ Financial University under the Government of the Russian Federation,

² Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Abstract: the article discusses the importance of the sphere of political communication in public consciousness. The linguistic discursive personality of a politician plays a crucial role in determining public sentiment and the civ-

ic position of peoples. This is true both in relation to modern politicians and to political figures of the Soviet past, such as V. Molotov, A. Gromyko, A. Sobolev.

The study of the linguistic discursive personality in political discourse allows for a deeper understanding of the dynamics and features of political communication in various historical and cultural contexts, which can be useful for specialists seeking to assess the influence of linguistic strategies on political processes and public consciousness. Thus, the study of linguistic personality, as in the case of Vyacheslav Molotov, helps to reveal the complex relationships between linguistic personality and political discourse, and also, contributes to a deeper understanding of the mechanisms of political communication and its impact on society.

The discursive personality of Soviet politicians and diplomats is associated with the influence of extralinguistic factors, with the ideologemes of the Soviet era, as well as with the functional range of ideological attitudes. In the texts of speeches of Soviet diplomats, it was obligatory to contrast opposing political systems. That is why in the speeches of V.M. Molotov, A.A. Gromyko and A.A. Sobolev the model of "Contrast, parallelism" is actualized, which is the most significant in quantitative terms.

Keywords: linguistic personality, discursive personality, discourse, political discourse, linguistics

For citation: Borodina M.A., Salnikov O.V. Stylistic techniques and tactics of linguistic personality in political discourse (using the example of V.M. Molotov's speeches). Modern Scientist. 2025. 7. P. 66 – 74.

The article was submitted: March 7, 2025; Approved after reviewing: May 5, 2025; Accepted for publication: July 6, 2025.

Введение

Сегодня политическая коммуникация играет ключевую роль в жизни общества, поскольку политика и решения политиков, включая главы государств и партий, оказывают непосредственное влияние на судьбы миллионов людей в условиях быстрых глобальных изменений. Политические деятели обращаются не только к широкому кругу избирателей своей страны, но порой и ко всему мировому сообществу – ярким примером являются речи руководителей государств перед Генеральной Ассамблеей ООН.

В речи медийных политиков используются стилистические приемы, которые помогают выражать сложные концепции и устанавливать контакт с аудиторией, что делает языковую личность политического деятеля узнаваемой, запоминающейся. Харизматичные политики обладают прекрасными ораторскими способностями, отличаются уверенностью в себе и умело осуществляют коммуникацию с массами. Это касается не только современных политиков, но и государственных деятелей прошлого. Изучение языковой дискурсивной личности в рамках политического дискурса является важной и многогранной задачей, решение которой необходимо для понимания механизмов общественной коммуникации.

Обратим особое внимание на публичные выступления политических деятелей советской эпохи, которые позволяют проследить, как проявляются особенности языковой личности в политических дискуссиях. Повышенный интерес всегда вызывала языковая личность Вячеслава Молотова, одного из ключевых политиков Советского периода. Ис-

следование его публичных выступлений выявляет стратегические цели, систему риторических приемов, лексические и стилистические особенности устных выступлений, формирующие его уникальный стиль общения и выявляющие механизмы воздействия на аудиторию. Изучение этих аспектов не только углубляет наше понимание исторического контекста, но и способствует более глубокому осмыслению роли языка в политической коммуникации.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужила одна из известных речей советского министра иностранных дел Вячеслава Молотова – выступление по радио от 22 июня 1941 года. В данной речи В.М. Молотов сообщил о нападении нацистской Германии на Советский Союз и объявил о начале Отечественной войны. Анализ данного выступления позволяет нам выделить ряд стилистических приемов и тактик, которые использует политик Советской эпохи [11]. Также в качестве примеров для анализа языковой дискурсивной личности советских дипломатов были рассмотрены выступления в ООН трех представителей СССР: В.М. Молотова, А.А. Громыко и А.А. Соболева. На момент произнесения представленной в данной статье речи В.М. Молотов являлся народным комиссаром иностранных дел СССР. А.А. Громыко, в последствии ставший министром иностранных дел СССР, и А.А. Соболев являлись постоянными представителями СССР при Организации Объединенных Наций.

В качестве методов анализа были выбраны контент-анализ речей указанных политиков, дискурс-

анализа, который позволил исследовать речь В.М.Молотова в рамках ее коммуникативного контекста, включая культурные и исторические условия эпохи. Были проанализированы цели коммуникации, стратегии убеждения аудитории, характер апелляций к коллективному сознанию слушателей. Лингвистический анализ позволил детально исследовать структуры высказываний, стилистические приемы и выразительные средства (метафоры, аллюзии, гиперболы). Интертекстуальность позволила выявить заимствования и цитаты, лозунги советской идеологии.

Результаты и обсуждения

Формирование понятия «языковая личность» берет свое начало в работах Й.Л. Вайсгербера и В.В. Виноградова в 1920-30-х годах. Й.Л. Вайсгербер в книге «Родной язык и формирование духа» подчеркивает важность социокультурной принадлежности человека, влияющей на его языковое владение [2]. В.В. Виноградов в работе «О художественной прозе» исследует влияние социальных и языковых форм на индивидуальность личности в языке [4].

С 1980-х годов тема языковой личности получает активное развитие. Г.И. Богин в книге «Современная лингводидактика» предложил одно из первых определений языковой личности, связывая ее с готовностью человека к речевым поступкам и восприятию речи [1]. Его работы заложили основы лингводидактического подхода, акцентируя внимание на речевых способностях человека и их реализации в языке. С точки зрения исследователя, понятие языковой личности является центральным, объединяющим языковые и педагогические аспекты обучения.

В это же время, Ю.Н. Карапулов в работе «Русский язык и языковая личность» предложил рассматривать языковую личность как совокупность способностей к созданию и восприятию речевых произведений. Структуру языковой личности исследователь описывает как состоящую из трех уровней:

1. Вербально-семантический уровень демонстрирует степень владения повседневным языком и общеупотребительной лексикой, характерной для обычного общения. Данный уровень является базовой составляющей коммуникативных способностей индивида, однако сам по себе не способен выразить уникальность личности и редко передает глубокие смыслы.

2. Когнитивный уровень определяет систему значений и приоритетов, создающую личностное когнитивное пространство. Необходимо осознавать, что единой картины мира, общей для всех носителей одного языка, не существует. Последо-

вательная и целостная система взглядов возможна лишь при формировании индивидуальной иерархии смыслов и ценностей. Тем не менее, собственное мировоззрение складывается не изолированно, а под влиянием социальной среды, способствующей формированию общих ориентиров и устойчивых элементов.

3. Прагматический уровень раскрывает мотивацию и приоритеты, определяющие эволюцию языковой личности и формирование её представления о мире. Именно этот уровень помогает выявить и описать стимулы и намерения, влияющие на поведение субъекта, создание текстов, организацию системы значимости и общее мировоззрение [7].

Опираясь на работы Ю.Н. Карапулова, мы можем с уверенностью сказать, что анализ языковой личности политика не может быть в полной мере осуществлен без рассмотрения политического дискурса в целом, который оказывает бесспорное влияние на формирование речевых тенденций любого деятеля политической сферы.

Полагаем, что понятие дискурса наиболее полно определено в работе А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна «Функционализм»: «Дискурс – это одновременно и процесс языковой деятельности, и ее результат (= текст)» [8]. Дискурс как лингвистическое образование рассматривается в традициях американской школы, немецко-австрийской школы, французской школы дискурсолологии.

Позиция А.А. Кибрика и В.А. Плунгяна близка англо-американской характеристике дискурса как особого вида речевой деятельности, связанного со взаимодействием адресата и адресанта и обусловленного экстралингвистическими факторами.

Изучение видов и типов дискурсов связывается в свою очередь с различными подходами к определению сущности дискурса, а также с различными основаниями для классификации. В частности, возможно рассматривать дискурс в соответствии с тематикой (экономический, автобиографический, моральный), в соотношении с жанровой принадлежностью, с учетом национально-культурной специфики (немецкий национальный дискурс, китайский, русский, корейский и пр.).

Наиболее аргументированным, по нашему убеждению, в области рассмотрения различных видов и типов дискурса является социолингвистический подход, согласно которому выделяют политический дискурс, рекламный, судебный, педагогический, медицинский и пр. В современной российской дискурсолологии социолингвистический подход к дискурсу активно исследуется в работах В.И. Карасика. В частности, в статье «Этнокультурные типы институционального дискурса»

утверждается, что, с точки зрения социолингвистики, дискурс понимается как взаимодействие между людьми, которое рассматривается сквозь призму их социальных ролей либо специфических ситуаций вербального поведения, таких как официальное общение. Автор выделяет разные типы институционального дискурса, характерные для современного общества [6].

Политический дискурс охватывает любые речевые образования, субъекты, адресаты или их содержание, связанные с политикой [14]. Т.А. ван Дейк рассматривает политический дискурс как речь политиков, представленную в публичных выступлениях, правительственные документах, обращениях к народу и парламентских дебатах [3].

Основной целью политического дискурса является распространение идей и завоевание власти (по ван Дейку и Рут Водак). Рут Водак, рассматривая политический дискурс, для всестороннего анализа которого разработан метод критического дискурс-анализа, справедливо утверждает, что политическая деятельность осуществляется в широком культурном пространстве, обусловленном исторически сложившимися национальными особенностями, устоявшимися политическими структурами, нормами взаимодействия и профессиональными стандартами общения [15]. Речевые средства, используемые в рамках политического дискурса, могут быть определены политическими стратегиями и тактиками, характерными для отдельного оратора или для идеологического направления, которое он представляет.

В политическом дискурсе особенно важной оказывается дискурсивная личность политика. Отметим, что понятие дискурсивной личности относится с понятием языковой личности. Во многих научных исследованиях последних лет указывается на их прямое соотношение.

В частности, в работе «Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа» О.А. Михайловой указывается: «термин дискурсивная личность дает возможность подключать к анализу языковой личности факторы широкого диапазона: ментальные, психологические, прагматические и др. Он наводит фокус внимания на речевое поведение личности в определенных условиях общения и, следовательно, предполагает учитывать как вербальные (лингвистические), так и невербальные (внелингвистические) факторы общения...» [10].

Под дискурсивной личностью, опираясь на концепции В.И. Карасика, И.А. Стернина, Н.Д. Голева, Н.Д. Арутюновой, мы понимаем: «<...> личность, исследуемую с позиций того или иного дискурса, в котором человек участвует» [10].

При изучении дискурсивной личности учитываются такие важные аспекты (в соответствии с концепцией В.И. Карасика и О.А. Михайловой), как: специфика самого дискурса, содержательно-идеологическая сторона общения, внешность говорящего, прагматическое измерение; интерактивность общения, то есть модели взаимодействия с аудиторией – ориентация на слушателей и собеседников; коммуникативная компетентность; голосовые характеристики (тембр, интонация, темп, сила звучания, артикуляция); невербальные проявления (жесты, телодвижения, выражение лица) [10].

Рассматривая данные особенности политического дискурса, мы можем заключить, что в исследовании языковой личности политика следует учитывать, как универсальные признаки, отличающие речевую деятельность политика от деятельности других языковых личностей, так и индивидуальные черты, уникальные стратегии и тактики [13].

В ходе анализа выступления В.М. Молотова по радио от 22 июня 1941 года были выявлены следующие сиlistические приемы, рассматриваемые далее.

Эпитеты

Данный стилистический прием используется В.М. Молотовым для того, чтобы подчеркнуть нелегитимность и незаконность действий противника.

«Вся ответственность за это разбойничье нападение на Советский Союз целиком и полностью падает на германских фашистских предателей».

«Это неслыханное нападение на нашу страну является беспримерным в истории цивилизованных народов вероломством» [11].

В приведенных цитатах можно выделить несколько ключевых эпитетов. Эпитет «разбойничье» подчеркивает внезапность нападения, ассоциируя агрессию с действиями грабителя, что создает образ несправедливого акта насилия против мирного государства. Термин «предатели» подчеркивает предательские качества нацистской Германии, демонстрируя резкое осуждение действий противника. В.М. Молотов акцентирует внимание аудитории на моральном аспекте конфликта, изображая врага коварным нарушителем договоренностей. Употребляемый в речи эпитет «неслыханное» усиливает впечатление масштаба события, подчеркивая беспрецедентность произошедшего. Политик стремится вызвать эмоциональный отклик, заставляя аудиторию ощутить шок и возмущение. Эпитет «беспримерное» используется для усиления чувства удивления и

негодования. Оно свидетельствует о намерении автора подчеркнуть крайнюю необычность поступков Германии, сравнить событие с исключительными примерами прошлого. Эмоционально окрашенный термин «вероломство» обозначает нарушение доверия, обещаний, соглашений. Здесь политик апеллирует к чувству справедливости, показывая Германию как государство, сознательно нарушающее международные нормы.

В результате, можно констатировать, что использование ярких, эмоционально насыщенных выражений позволяет выявить ряд особенностей языковой личности В.М. Молотова: стремление воздействовать на эмоции публики посредством выразительных образов и гиперболизации, акцентирование морального аспекта агрессии, стремление сформировать негативное отношение к врагу, использование риторического приема антitezы (советская справедливость vs немецкое вероломство), обращение к патриотическим чувствам населения путем подчеркивания особой ответственности и долга защиты Родины. Таким образом, анализ использованных эпитетов дает возможность лучше понять психологические механизмы воздействия политика на сознание общественности, показывает стилистику и методы убеждения, присущие публичным речам периода войны.

Параллелизм

Параллелизм позволяет придать особую выразительность с помощью ритмики. Данный стилистический прием служит для привлечения внимания слушателя к определенным аспектам выступления, которые в представлении оратора могут являться ключевыми.

«Нападение на нашу страну произведено несмотря на то, что между СССР и Германией заключен договор о ненападении и Советское правительство со всей добросовестностью выполняло все условия этого договора. Нападение на нашу страну совершено несмотря на то, что за все время действия этого договора германское правительство ни разу не могло предъявить ни одной претензии к СССР по выполнению договора» [11].

«...сделанное сегодня утром заявление румынского радио, что якобы советская авиация обстреляла румынские аэродромы, является сплошной ложью и провокацией. Такой же ложью и провокацией является вся сегодняшняя декларация Гитлера...» [11].

В первом примере политик дважды повторяет конструкцию «нападение на нашу страну произошло несмотря на то, что...», усиливая аргумент о неправомерности действий Германии. Параллельная конструкция выделяет очевидность нарушения

договора, делает утверждение особенно весомым и убедительным. Во втором примере, используя параллельную структуру «является ложью и провокацией», автор объединяет две различные ситуации, подчеркивая их общую природу. Повтор конструкции формирует связь между двумя событиями, показывая их идентичность в плане недостоверности и манипуляций.

Стилистический прием параллелизма демонстрирует черты автора как оратора и политика, в частности, в умении строить речь таким образом, чтобы усилить воздействие аргументов на аудиторию. Склонность к использованию риторических приемов для повышения убедительности и ясности изложения. Способность создавать четкую логическую структуру высказывания, обеспечивающую понятность и последовательность мысли. Более того, можно указать на выраженную критическую позицию относительно действий противников, подкрепленную использованием экспрессивных определений (ложь, провокация) и сопоставлений различных фактов.

Перечисление

Данный стилистический прием также влияет на ритмику выступления, однако используется не только для привлечения внимания, сколько в целях закрепления той или иной информации. В частности, В.М. Молотов использует перечисление и для того, чтобы подчеркнуть преступления противника, и для демонстрации силы Советского Союза.

«Эта война навязана нам не германским народом, не германскими рабочими, крестьянами и интеллигенцией, страдания которых мы хорошо понимаем, а кликой кровожадных фашистских предателей Германии, поработивших французов, чехов, поляков, сербов, Норвегию, Бельгию, Данию, Голландию, Грецию и другие народы» [11].

«Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина» [11].

В первом фрагменте перечисление конкретных этнических групп и географических регионов создает эффект наглядности и эмоционального вовлечения аудитории, делая информацию более доступной и близкой каждому человеку, более того, происходит формирование негативного образа агрессора путем детальной детализации пострадавших сторон. Во втором фрагменте В.М. Молотов последовательно называет ключевые институты власти и лидера, подчеркивая единство народа и руководства. Такое построение служит укрепле-

нию чувства солидарности и поддержки властей среди населения.

Таким образом, использование перечисления направлено на усиление эмоционального отклика аудитории. Данная техника позволяет конкретизировать абстрактные понятия (страдания, поддержка), создавать атмосферу причастности и вовлеченности (упоминание различных слоев населения и территорий), подчеркивать значимость и серьезность момента (детализация событий и обстоятельств), усиливать призывы к действию (создание атмосферы единого фронта).

Тропы. Фигуры. Лозунги.

В рассматриваемой речи В.М. Молотова можно выделить большое количество тропов и фигур речи. Однако особое внимание следует уделить лозунгам. Лозунги следуют рассматривать как особое средство пропаганды и агитации. С помощью лозунга создается идеологически заданное мышление. Лозунги из речи данного политика затем многократно повторялись в советских СМИ и стали своеобразным символом эпохи Великой Отечественной войны.

В частности, «*Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами*» [11]. Данный лозунг обладает несколькими важными характеристиками, которые делают его эффективным инструментом влияния на массовое сознание и позволяют говорить о характеристиках языковой личности политика. С точки зрения лингвистического анализа можно указать на такие характеристики, как краткость, ритм и звукопись, убедительная форма, оптимизм и апелляция к колLECTIVизму. Необходимо подчеркнуть, что каждое предложение состоит всего из нескольких слов, что облегчает запоминание и быстрое усвоение идеи. Фразы имеют простую и легко воспринимаемую структуру, благодаря чему слоган звучит естественно и уверенно. Используются утвердительные выражения, что придает уверенность и убежденность в собственной позиции. Лозунг наполнен позитивными коннотациями и уверенностью в успехе, что вызывает чувство уверенности и оптимизма у слушателей. «Наше дело», «за нами» указывают на объединяющий характер движения, создавая ощущение общего дела и солидарности.

Изучение языковой дискурсивной личности в политическом дискурсе позволяет глубже понять динамику и особенности политического общения в различных исторических и культурных контекстах, что может быть полезным для специалистов, стремящихся оценить влияние языковых стратегий на политические процессы и общественное сознание. Таким образом, исследование языковой лич-

ности, как в случае с Вячеславом Молотовым, помогает раскрыть сложные взаимосвязи между языковой личностью и политическим дискурсом, а также способствует более глубокому пониманию механизмов политической коммуникации и ее воздействия на общество.

Помимо дискурсивной личности В.М. Молотова эпохи Советского Союза привлекают внимание и иные политики, речь которых отличается яркостью, образностью, эмоциональностью. Далее предлагается сравнить языковые личности трех политических, чьи выступления внесли значительный вклад в международные отношения Советского Союза и являются яркими представителями советской дипломатии.

Отметим, что для выявления особенностей профессиональной языковой дискурсивной личности советского дипломата нам требуется рассмотреть лексический состав речи, их стилистические характеристики. Укажем, что характерными особенностями профессиональной языковой личности часто становятся термины политической сферы или устойчивые клише. Социальный контекст может оказывать значительное влияние на проявление тех или иных черт языковой дискурсивной личности, поэтому следует проанализировать выступления советских дипломатов в разные временные периоды.

Анализ их речей позволил нам выявить ряд особенностей языковой дискурсивной личности М.В. Молотова, А.А. Громыко и А.А. Соболева:

– Дипломатические клише

Профессиональный дискурс так или иначе содержит в себе языковые конструкции характерные для профессиональной коллективной языковой личности. Например, во всех трех приведенных речах, советские представители говорят не от своего лица, а от лица советской делегации.

«*Советская делегация считает вопрос об Аргентине, о приглашении Аргентины на настоящую конференцию, важным вопросом*» [9].

«*Таковы те соображения, которые советская делегация считала необходимым высказать уже на данной начальной стадии рассмотрения вопроса о Палестине*» [12].

«*Советская делегация считает необходимым еще раз обратить внимание Генеральной Ассамблеи на то, что пересмотр статей Устава о составе главных органов ООН, а, следовательно, и о процедуре голосования в них является вопросом большой политической важности, по которому даже в период выработки Устава лишь со значительными трудностями удалось достигнуть приемлемого решения*» [5].

В первой цитате клише подчеркивает важность темы, официально вводит вопрос в повестку дня, одновременно поддерживая дистанцированный, конструктивный тон дискуссии. Во второй цитате стандартная формула фиксации позиции и последовательности предложений позволяет представить аргументы спокойно и ясно, избегая острых заявлений. В речи А.А. Соболева официальный оборот мягко привлекает внимание к важному вопросу, предупреждая возможные разногласия и устанавливая рамки обсуждения.

Таким образом, использование дипломатических клише позволяет государственным деятелям аккуратно и вежливо сформулировать собственную позицию, сохранить достоинство и репутацию своей страны, способствовать продуктивной работе международной конференции и минимизировать риски появления конфликтов.

– Цитирование

Прием, встречающийся также во всех трех приведенных речах, используется дипломатами для обличения оппонента. Отдельно стоит отметить, что в приведенных примерах мотивации авторов не являются равносильными, однако цитирование тем не менее выполняет обличительную функцию. В частности, В.М. Молотов поддерживает вступление Аргентины в ООН, однако приводит цитаты для демонстрации противоречивости политики представителей США:

«Я продолжаю ссылки на авторитетные заявления. Вот что говорил 1 октября 1944 г. президент Рузельт:

«Я тщательно и с большим вниманием следил за развитием событий в Аргентине в течение последних месяцев. Обстановка отмечает исключительный парадокс роста нацистского и фашистского влияния, а также увеличение применения нацистских и фашистских методов в стране этого полушария как раз в тот момент, когда силы угнетения и агрессии все ближе и ближе приближаются к часу окончательного поражения в Европе, а также в других местах во всем мире».

«Я считаю эти заявления авторитетными и полагаюсь на них. Но это было несколько месяцев назад. Может быть, с тех пор положение дел в Аргентине изменилось? Я слышал, что некоторые представители американских стран держатся того мнения, что положение там изменилось к лучшему» [9].

Приведение цитаты президента Франклина Рузельта усиливает вес и достоверность выдвигаемых аргументов. Поскольку Рузельт считался влиятельным международным лидером, его мнение автоматически наделяется авторитетом и доверием. За счет введения исторического фона («1

октября 1944 года») аудитория получает представление о событиях и настроениях, преобладающих в мировой политике того времени. Это позволяет связать современные реалии с ранее известными и признанными позициями великих держав. Отмечая, что ситуация изменилась («Может быть, с тех пор положение дел в Аргентине изменилось?»), В.М. Молотов приглашает слушателей задуматься над изменениями и их причинами, подчеркивая динамику процесса и необходимость постоянного мониторинга обстановки. Более того, цитата позволяет перенести ответственность за негативные оценки аргентинской ситуации на американскую сторону, ослабляя возможное давление и обвинения в одностороннем подходе.

А.А. Громыко использует цитирование для аргументации своей позиции против мандатной системы управления в Палестине, приводя цитату как демонстрацию ее несостоятельности:

«Так, например, г-н Бевин заявил в палате общин 18 февраля 1947 г. следующее:

«Мы намерены представить Организации Объединенных Наций исторический отчет о том, каким образом английское правительство осуществляло свою опеку над Палестиной в течение двадцати пяти лет. Мы разъясним, что мандат оказался неосуществимым на практике и что обязательства, взятые перед двумя общинами в Палестине, оказались непримиримыми».

«Это заявление министра иностранных дел Великобритании прямо и открыто констатирует действительное положение, к которому привело мандатное управление Палестиной» [12].

Андрей Громыко использует цитирование в своей речи с целью продемонстрировать обоснованность и прозрачность позиции советского представительства, опираясь на официальные высказывания высокопоставленных лиц зарубежных государств. Цитата британского министра иностранных дел Эрнеста Бевина используется как подтверждение несостоятельности английского мандата над Палестиной. Прямая ссылка на источник придает дополнительные веса заявленной точке зрения, свидетельствуя о признании сложившейся ситуации самим британским правительством. Представляя точку зрения другой стороны как признание поражения, советский представитель манипулирует мнением аудитории, вызывая сочувствие и желание поддержать советскую позицию.

А.А. Соболев в свою очередь цитирует отдельные слова, использованные его оппонентом, в открытой критике его позиции:

«Представитель Соединенных Штатов прямо затронул Советский Союз и охарактеризовал по-

зицию Советского Союза в выражениях, которые, несомненно, вызывают возражения.

Представитель Соединенных Штатов употребил такие выражения, как «односторонние действия», « злоупотребление правом вето», «шантаж» и т.п. [5].

– Параллелизм, противопоставление

Во всех трех рассмотренных в данной статье речах также присутствует использование параллелизма и противопоставления. Данные стилистические приемы используются советскими дипломатами для демонстрации противоречивости и несостоятельности позиции оппонента.

«Подумайте о следующем: что получится, если мы второпях, не поразмыслив серьезно, пригласим на эту конференцию Аргентину, помогавшую во время войны фашистам – нашим врагам, не пригласим Польшу, союзную страну? Известно, что Польша в этой войне занимает почетное место в ряду союзных стран, вкладывая все свои силы в борьбу против нашего общего врага. Героический польский народ боролся и борется в наших рядах. Он шел и идет на многочисленные жертвы. Всего этого мы никак не можем забыть. Пригласить на конференцию Аргентину, которая помогала в течение всей этой войны нашему общему врагу, и не пригласить польское Временное правительство, которое теперь действует на освобожденной территории Польши и имеет громадный авторитет в польском народе...» [9].

«Позволительно спросить: могут ли Объединенные Нации, учитывая такое тяжелое положение сотен тысяч уцелевшего еврейского населения, не проявлять интереса к положению этих людей, оторванных от родины и своих очагов? Организация Объединенных Наций не может и не должна равнодушно наблюдать такое положение, ибо это было бы несовместимо с высокими принципами, провозглашенными в ее Уставе, принципами, предусматривающими защиту прав человека, независимо от его расы, религиозных убеждений, пола» [12].

«Весь опыт работы ООН убедительно показывает, что только те решения и действия, которые были предприняты на основании Устава, способствовали улучшению деятельности и росту ее авторитета. Те же решения и действия, которые предприняты в обход Устава, в нарушение его принципов и целей, нанесли существенный ущерб авторитету международной организации» [5].

Изучение языковой дискурсивной личности дипломатов позволяет нам рассмотреть особенности международного политического дискурса. Использование речей в ООН в качестве примеров для исследований в данной сфере способствует наиболее точно выделить уникальные аспекты языковой личности, так как данные выступления имеют международный характер и представляют особую важность для внешней политики той или иной страны.

Выводы

Таким образом, дискурсивная личность советских политиков и дипломатов связана с влиянием экстралингвистических факторов, с идеологемами советской эпохи, а также с функциональным диапазоном идеологических установок. В текстах выступлений советских дипломатов обязательным являлось противопоставление противоборствующих политических систем. Именно поэтому в речах В.М. Молотова, А.А. Громыко и А.А. Соболева актуализируется модель «противопоставление, параллелизм», являющаяся самой значительной в количественном отношении. Неотъемлемой частью выступлений советских дипломатов является употребление дипломатических клише, являющихся обязательными в дипломатической сфере. Заметим, что в речах современных политиков дипломатических клише становится значительно меньше, поскольку разрушается система дипломатического взаимодействия, сложившаяся в советскую эпоху.

В целом, дискурсивная языковая личность дипломатов советского времени является символом эпохи и представляет уникальные, специфические речевые черты, обусловленные идеологически, и универсальные языковые стереотипы профессиональной коммуникации политиков.

Список источников

1. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. 61 с.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа: Пер. с нем. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004. 232 с.
3. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
4. Виноградов В.В. Избранные труды: О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980. 360 с.
5. Внешняя политика СССР: Док. и материалы. Вып. IV (октябрь-декабрь 1959 г.) Б.и., 1959. Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Соболева на пленарном заседании XIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 ноября 1959 г.

6. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 19 – 32.
7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 2010. 264 с.
8. Кибрек А.А., Плунгян В.А. Функционализм // Современная американская лингвистика: Фундаментальные направления. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2002. С. 276 – 339.
9. Международные документы периода Великой Отечественной войны. Вып. V. 1945 г. (январь-3 сентября). М., 1946. (Выступление В.М. Молотова на пленарном заседании Конференции Объединенных наций 30 апреля 1945 г.). С. 192 – 195.
10. Михайлова О.А., Михайлова Ю.Н. Дискурсивная личность: опыт лингвоаксиологического анализа // Политическая лингвистика. 2021. № 6 (90). С. 23 – 31.
11. Молотов В.М. Выступление 22 июня 1941 г. // Правда. 1941. 23 июня. С. 4.
12. Советско-израильские отношения: Сб. док. Т. I. 1941-1953. В 2 кн. Кн. 1. 1941-май 1949. М.: Междунар. отношения, 2000. (Выступление постоянного представителя СССР при ООН А.А. Громыко на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по вопросу о Палестине. 14 мая 1947 г.). С. 211 – 218.
13. Цуциева М.Г. Языковая личность политика как динамический феномен дискурса и текста // Политический дискурс в парадигме научных исследований. Тюмень, 2014. С. 74 – 78.
14. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 324 с.
15. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996. 200 p.

References

1. Bogin G.I. Modern linguodidactics. Kalinin: Kalinin state University, 1980. 61 p.
2. Weisgerber J.L. Native language and the formation of the spirit: Trans. from Germ. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Editorial URSS, 2004. 232 p.
3. Van Dijk T.A. Discourse and power: Representation of dominance in language and communication. Moscow: LIBROKOM, 2013. 344 p.
4. Vinogradov V.V. Selected works: On the language of fiction. Moscow: Science, 1980. 360 p.
5. Foreign policy of the USSR: Documents and materials. Issue. IV (October-December 1959) B.m.: B.i., 1959. Speech by the Permanent Representative of the USSR to the UN A.A. Sobolev at the plenary session of the XIV session of the UN General Assembly on November 21, 1959
6. Karasik V.I. Ethnocultural types of institutional discourse. Ethnocultural specificity of speech activity: Collection of reviews. Moscow: INION RAS, 2000. P. 19 – 32.
7. Karaulov Yu.N. Russian language and language personality. Moscow: LKI Publishing House, 2010. 264 p.
8. Kibrik A.A., Plungyan V.A. Functionalism. Modern American linguistics: Fundamental directions. 2nd ed. M.: Editorial URSS, 2002. P. 276 – 339.
9. International documents of the Great Patriotic War. Issue V. 1945 (January – September 3). M., 1946. (Speech by V.M. Molotov at the plenary session of the United Nations Conference on April 30, 1945). P. 192 – 195.
10. Mikhailova O.A., Mikhailova Yu.N. Discursive personality: an experience of linguaxiological analysis. Political linguistics. 2021. No. 6 (90). P. 23 – 31.
11. Molotov V.M. Speech on June 22, 1941. Pravda. 1941. June 23. P. 4.
12. Soviet-Israeli relations: Coll. doc. T. I. 1941-1953. In 2 books. Book 1. 1941-May 1949. Moscow: International Relations, 2000. (Speech by the Permanent Representative of the USSR to the UN A.A. Gromyko at the special session of the UN General Assembly on the question of Palestine. May 14, 1947). P. 211 – 218.
13. Tsutsieva M.G. The linguistic personality of a politician as a dynamic phenomenon of discourse and text. Political discourse in the paradigm of scientific research. Tyumen, 2014. P. 74 – 78.
14. Sheigal E.I. Semiotics of political discourse. Moscow: Gnosis, 2004. 324 p.
15. Wodak R. Disorders of discourse. L.; N.Y.: Longman, 1996. 200 p.

Информация об авторах

Бородина М.А., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-1736-1094>, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации; Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая 10, к.2, kokocinel@mail.ru

Сальников О.В., ассистент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы